

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление. Чистота, дистанция, нейтральность? 7

ЧАСТЬ I

Глава 1. Желание Фрейда и желание врача 19

Глава 2. «Почему нема ваша дочь» 48

Глава 3. Выделение сексуации пола:
наслаждение аналитика и абстиненция. 68

Глава 4. Истеричка и изобретаемый ею анализ 88

Глава 5. Истеризация аналитика 111

ЧАСТЬ II

Глава 6. Расщепление аналитической
практики после Фрейда 135

Глава 7. Речь реального отца 168

Глава 8. Неравноценность процедур
сексуации 183

Глава 9. Вторая сексуация и ее пределы 203

Глава 10. Продолжение сексуации: книга 221

Глава 11. Педагогика невроза и идеал-Я. 250

Глава 12. Аналитическая сексуация:
присутствие аналитика и acting out 273

Вступление

Чистота, дистанция, нейтральность?

В 1964 году Жак Лакан делает открытое заявление о существовании желания психоаналитика. С точки зрения профессионального сообщества это был неожиданный жест: мысль о том, что аналитик может желать как-то иначе, нежели тот, кто не практикует анализ, едва ли укладывалась в представления специалистов. Психоаналитика традиционно рассматривали как субъекта определенной деятельности и не видели в нем ничего специфического, кроме соответствующей подготовки и склонности к занятию анализом. Именно поэтому объявление о существовании особого желания, которое направляет анализирующего субъекта, послужило поводом к кардинальному расколу между Международной психоаналитической ассоциацией и последователями Лакана.

Многими это расхождение было воспринято как обновление психоаналитической повестки и ее уход с территории, где фрейдовская практика, с точки зрения лакановских последователей, долгое время оставалась обезглавленной, лишенной того, что составляет ее предмет, — инстанции желания. Образовавшееся течение закрепляло свой успех не только в опоре на оригинальность лакановской теории, но в еще большей степени на специфичность того, что она сулила самой позиции

аналитика — одновременно укрепление и проблематизацию.

Сегодня, когда можно подвести некоторые предварительные итоги, последствия заявления Лакана выглядят откровенно уступающими уровню той революционности, которую заложил в него он сам. Прошедшие десятилетия показали, что любая рефлексия над желанием психоаналитика в психоаналитической теории в гораздо большей мере, чем полагали ранее, обречена опираться на сложившуюся культуру и практику анализа как на неизбежную данность. Последствий этого не удалось полностью избежать даже в лакановской интервенции. Более того, сложившееся до Лакана положение вещей, против которого он выступил, в некоторых местах лишь укрепилось вследствие общепринятого способа понимать его заявления. На сегодняшний день достигнут консенсус, нашедший манифестарное выражение в тексте одного из наиболее известных участников лакановского движения Брюса Финка:

Желание аналитика — это желание, сосредоточенное на анализе и только на анализе... Желание аналитика представляет собой в своем роде очищенное желание (*purified desire*), которое не покоится на каком-либо определенном объекте и не имеет целью внушить анализанту какие бы то ни было соображения... Аналитическое желание концентрируется на анализе и только на анализе — оно не является пожеланием пациенту того, что было бы «наилучшим» для него, для его личностного развития или карьерного роста. Не преследует оно и целей подбора подходящего партнера или помощи в обретении «личного счастья»... Желание это не имеет ничего общего также и с желанием услышать от анализанта определенные вещи — у аналитика нет заранее заданного плана, которому должен следовать анализ. Желание аналитика должно оставаться «непристегнутым», свободно парящим, удерживающимся от

того, чтобы задать для пациента какое-либо однозначное направление¹.

Этот пассаж концентрирует в себе проблематичность, с которой сопряжена любая попытка усвоить лакановский подход и положить его в основу практики. Сами выражения, в которые Финк облек свою позицию, имеют все основания стать программными, поскольку отвечают сложившемуся уровню ожиданий, предъявляемых сообществом к лакановской революции анализа. Однако при всей решимости Финка дать определение лакановской аналитической позиции, на его слова нельзя опираться, не усугубляя недопонимания причин, побудивших самого Лакана ввести понятие «желания аналитика». Так, до сих пор никем не осмыслен кризисный характер обсуждаемого заявления, сделанного спустя год после лакановской попытки сообщить о судьбе того, что находится на месте Имен-Отца. Примечательно, что впоследствии в сообществах, занимающихся Лаканом, эти две темы никогда не пересекались — факт, доказывающий, что Лакан не переоценил свою будущую аудиторию, едва ли способную распознать в произошедшем что-либо, кроме случайной смены предмета. Этот поразительный эффект, в котором рвение в области исследования желания аналитика полностью исключает желание создателя концепции, не имеет под собой иных оснований, помимо констатируемого самим Лаканом поначалу с досадой, а потом с убежденностью: то, что он был готов произнести, но не сказал, так и не будет услышано. Вопрос о желании аналитика был для Лакана не столько плодом намерения усовершенствовать анализ на реконструированной фрейдовской основе, сколько следствием глубокой подавленности и порожденного ею

¹ *Fink B. A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis: Theory and Technique. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. P. 6–7. Здесь и далее перевод мой. — А. С.*

сомнения в том, чем чревата слишком недвусмысленная демонстрация аналитиком своего желания. Последнее в этом случае представляет собой не решение вопроса о позиции аналитика и ее этических границах, а скорее предупреждение о том, что лежит по другую их сторону.

Результаты непонимания этого момента сегодня налицо. Уже заключенная в формулировках Финка позиция, при всех вложенных в нее исключительно благих профессиональных побуждениях, выглядит внутренне несогласованной, поскольку высвечивает несоответствие между тем, как и в каких обстоятельствах о желании аналитика говорил сам Лакан, и, с другой стороны, тем, что высказывается аналитиками с целью консолидации лакановской практики. Там, где Лакан намеренно вводит в аналитическую деятельность желание, создающее со стороны аналитика неизученное и непредсказуемое пространство, его последователи, формально соглашаясь с заданными установками, стремительно возвращают повестку к исходному, до-лакановскому определению аналитической позиции как эталона сугубой нейтральности и истовой верности делу анализа.

Этот процесс объясним: в условиях переизбытка предложения разнообразных психологических услуг психоаналитик, вынужденный непрестанно настаивать на существовании чего-то такого, с чем его практику нельзя смешивать ни в коем случае, испытывает сильную тревогу. Аналитик чувствует угрозу, исходящую от любых внеаналитических практик, в той или иной степени эксплуатирующих фрейдовский аппарат. Осуществляющий двойную работу сепарации, психоаналитик лакановской ориентации ощущает себя дважды отлученным как от внеаналитического окружения, так и от фрейдистской аналитической альма-матер. На этом фоне с его стороны легко различимо дополнительное желание, которое нетрудно прочесть как его собственный *acting out*: дистанция с ана-

лизантом, которую признают важным элементом аналитического процесса, производна в том числе и от желания аналитика подчеркнуть дистанцию между «чистым анализом» и тем, что может быть за него принято или прикрывается его именем. При этом наличие желания здесь обычно не признают, продолжая настаивать на продиктованной чисто практическими соображениями необходимости различения практик. Тем не менее речь идет именно о дополнительном желании, поскольку с чисто прагматической точки зрения испытываемая аналитиком тревога относительно деятельности психолога необъяснима, ведь ее невозможно спутать с анализом.

Сегодня мы знаем, что представление об этой деятельности можно составить исходя из той позиции, которую занимает психотерапевт — фигура широко распространенная и характеризующаяся тем, что ее намерение стремится к совпадению с требованием входящего в терапию. Вступающий в нее субъект намеревается затребовать у специалиста информацию о том, почему его дела никак не наладятся. Психотерапевт же со своей стороны торопится, если не дать на этот вопрос исчерпывающий ответ, то во всяком случае оказаться в месте, которому клиент свое требование адресует. Такой субъект психотерапевтического процесса полностью сконцентрирован на озвученном в терапии запросе. В каждом отдельном случае этот субъект не является клиентом или клиницистом по преимуществу, но представляет собой объединяющую их позицию в речи, которая сводит воедино две стороны терапии, даже не подозревающих о подобном взаимном сопряжении.

Уже по этой причине нет никакой возможности спутать положение аналитика и субъекта психотерапии — между ними нет практически ничего общего, поскольку аналитик может не отвечать на запрос анализанта напрямую, рассматривая его как часть той речи, которую ана-

лизант приносит в анализ и посредством которой говорит его симптом. Уверенность в возможности подобного рассогласования с требованием, поддерживающая в свою очередь рассогласование с любой практикой ответа на требование, позволяет аналитику не выказывать практически никакой обеспокоенности конкуренцией с психотерапевтическим направлением. Гораздо большее внимание Лакан уделял раздражителям, заключенным в самом анализе, например, расхождению желания любого фрейдовского аналитика с желанием того, кому он, по его словам, наследует. Выражается это в том, что подавляющее большинство аналитиков классической фрейдовской плеяды в силу ряда обстоятельств превращали свою деятельность в *acting out* по отношению к желанию Фрейда. Своей собственной деятельностью они постоянно стремились внести в дело анализа нечто такое, что дополняло и улучшало бы начинание Фрейда. Аналитики долакановского периода буквально не могли удержаться от того, чтобы не взять на себя в анализе дополнительные задачи и не стать для пациента чем-то большим. Именно по этой причине Лакан предостерегал аналитиков от присвоения себе каких-либо иных полномочий, кроме тех, что принадлежат объекту *a*.

Однако последующие выводы из присутствия объекта *a* на месте аналитика все сильнее расходились с другими лакановскими заявлениями, в которых желание аналитика вовсе не отождествлялось с желанием, исчерпывающим себя во время сессий или даже между ними. Дискурс аналитика не сводился лишь к «желанию проводить анализ» или к аналитической этике, на следовании которой лакановские аналитики склонны настаивать, подчеркивая, что хотя она и не тождественна моральному идеалу, однако диктует сугубую независимость позиции аналитика. Последняя, кроме этой гуманитарной по сути подоплеки, содержит в себе нечто такое, что анализант и широкая общественность воспринимают как исходящее со стороны

аналитика сопротивление, о чем часто забывают за декларациями его сугубой нейтральности. Сопротивление как раз и выдает присутствие желания, которое обычно сказывается в исходящем давлении постоянной величины и силы. Понятие нейтральности со всеми его коннотациями, включая предложенные Финком «непристегнутость» и «свободное парение», выглядит здесь поразительно неуместно.

Сам Фрейд характеризовал собственную позицию во все не как нейтральную, но как просто «осторожную», избавляя ее от привходящей психологизации. То, что под давлением множющихся психологических услуг стало впоследствии едва ли не знаком элитарности психоанализа, противостоящего стандартам общества потребления, в эпоху Фрейда имело гораздо более скромные притязания: речь шла о сдержанности специалиста, отказе от поспешного, продиктованного человеколюбием отклика на речь пациента. Однако этим дело не ограничивается. Призыв к сдержанности в содержании фрейдовской речи обычно воспринимается как предписание, чисто техническая рекомендация, что как раз и показывает, до какой степени сказанное принадлежит вторичному процессу, а исток желания исследователя сокрыт. Подробно описывая разнообразные поджидающие аналитика искушения, способные запятнать чистоту его практики, Фрейд не раскрывает само существо своего желания, которое противится превращению изобретенного им анализа в поддерживающую терапию.

Специалисты прямо наследующей Лакану школы уверены, что лакановская зачистка поля от привходящих практик служит им надежным алиби, и потому нередко занимаются позитивным самовнушением на этот счет. Игнорируя описанное сокрытие, они убеждают слушателей, что основные ориентиры в понимании желания аналитика достигнуты, а господствовавшие еще недавно заблужде-

ния преодолены. В этом смысле характерно предуведомление Австралийского центра психоанализа к XI Лакановскому симпозиуму:

Чем оно может быть — желание аналитика? Ответ, который дает Лакан, состоит в указании на желание, прошедшее через определенный опыт, то есть желание проанализированное. Это желание поддерживать дистанцию между аналитиком и анализантом. Данное желание уводит нас в направлении, противоположном стремлению к идентификации².

Это заявление опирается на многочисленные резкие замечания самого Лакана по поводу пресловутой изобретенной Майклом Балинтом идентификации с аналитиком. Однако при всей своей правоте оно все же не учитывает, что если и существует желание аналитика, позднее названное «желанием дистанции», то корни его нужно искать в образовании, которое к аналитическим процедурам само по себе не отсылает. Настаивать на тождестве аналитического желания аналитической работе — значит совершать подмену, поскольку желание не может существовать без собственных эффектов, не позволяющих ему совпасть с уровнем своего предъявления. При всей присущей ему обособленности желание аналитика не может быть исключением — в нем должно быть нечто, что подкладывает иную изнанку под его видимые следствия.

Таким образом, налицо препятствие, которое не позволяет аналитикам посягнуть на нечто, превосходящее достигнутый ими уровень техники. Преодолеть его мешает масса соображений профессионального свойства, заключенных во фрейдовской речи, которая, прямо выражая этическое предписание, вносит раскол в позицию самого Фрейда:

² См.: URL: http://www.psychanalysis.org.au/pdfs/ACP_XIth_Lacan_Symposium_2010_full.pdf.

Я должен возразить, указав, что психоаналитическое лечение основано на правдивости. Опасно покидать этот фундамент. Кто хорошо освоился с аналитической техникой, тот вообще больше не прибегает ко лжи и обману, обычно необходимым врачу, и, как правило, себя выдает, если иной раз пытается это сделать из лучших намерений. Поскольку от пациента требуют самой строгой правдивости, то ставишь на карту весь свой авторитет, если предоставляешь ему возможность поймать себя на том, что отступаешь от правды³.

Как многие подобные фрейдовские заявления, этот пассаж не следует принимать за нечто незыблемое. Напротив, состоящий из множества недомолвок, он сам подлежит анализу, поскольку содержит нечто дополнительное, не нашедшее в сказанном прямого выхода. Когда Фрейд собирается с духом, чтобы предъявить такого рода требование, он избирает своим адресатом не ближайших последователей или незадачливых соперников, но прежде всего себя самого. Речь идет о глубоком недовольстве своими действиями, которое он, вопреки собственной настойчивости, непрестанно испытывал.

В этом недовольстве биографы традиционно усматривают либо прямому первооткрывателя, неудовлетворенного своими достижениями, либо проявление тактической осторожности исследователя. В обоих случаях его прочитывают как кокетство, ложную скромность гения. Но к кокетству Фрейд склонен не был, а значит, у него имелись причины сознавать незавершенность своей позиции и неспособность дать о ней непротиворечивый отчет. Все это свидетельствует о наличии у Фрейда еще какого-то желания, которое не укладывается в сфор-

³ Фрейд З. Заметки о любви в переносе // Эротический и эротизированный перенос / под ред. М.В. Ромашкевича. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2003. С. 31–48.

мулированные им самим требования к практикующему анализ.

Таким образом, вопрос, который следовало бы задать в связи с понятием «желание аналитика», звучит следующим образом: было ли желание самого Фрейда «желанием аналитика» в том смысле, в каком с ним работают современные лакановские сообщества? Какое желание лежало в основе изобретения психоаналитической техники?

Сегодня эта тема замалчивается тем тщательнее, чем больше материала о ней накапливается в сфере, не имеющей прямого отношения к появлению анализа. Речь идет о популярных биографиях Фрейда, о публикациях, которые чаще всего не берут на себя в области аналитической теории никакой ответственности, но зато в изобилии предоставляют разного рода насыщенные скандальностью детали, находящие у публики живой отклик.

С одной стороны, в этих деталях нет ничего, что не входило бы в многочисленные фрейдовские агиографии, имеющие широкое хождение в психоаналитических кругах. После трудов Эрнеста Джонса, не упустившего ни одной из частных деталей становления фрейдовской карьеры, путь был открыт. С другой стороны, как выяснилось, детали эти обычно воспринимаются как интересные, но досужие, не заслуживающие официального комментария психоаналитиков. Лишь в незначительном числе случаев на них можно опереться как на источник частных сведений о фрейдовском желании и его реализации в созданной Фрейдом практике.

ЧАСТЬ I ~

Глава 1

Желание Фрейда и желание врача

В ПЕРВЫЕ на обстоятельства возникновения анализа из интеллектуальных и душевных затруднений Фрейда Лакан указал в своих толкованиях 1960-х годов. Столь позднее появление такого комментария само по себе представляется загадочным. Складывается впечатление, что самые первые, сделанные в пылу начальных размежеваний, заявления, которые можно счесть попытками «проанализировать Фрейда» — в частности, высказывания Карла Густава Юнга, охваченного обидой и рессентиментом по поводу трепки, которую задал ему Фрейд, или намерение Альфреда Адлера ответить вызывающей «сыновней» интерпретацией на жесткий фрейдовский стиль управления — наложили на эту область своеобразное вето, не позволяя последователям проявить себя в работе с материалом, который можно было бы толковать как танже, нехватку самого Фрейда.

Фрейд в свою очередь успешно отметал все предъявленные обвинения, указывая, что за юнговским и адлеровским негодованием скрывается их собственная теоретическая несостоятельность: они не смогли его превзойти и в своем натиске остановились гораздо раньше, чем он сам, а значит, не имели права его судить:

Оба регрессирующие, уходящие от психоанализа движения, которые мне теперь приходится сравнивать, обнаруживают сходство и в том, что с помощью возвышенных принципов, словно с точки зрения предвечного, они отстаивают выгодные для них предрассудки. У Adler'a эту роль играет относительность всякого познания и право личности индивидуально при помощи художественных средств распоряжаться научным материалом. Jung вопит о культурно-историческом праве молодежи сбросить с себя оковы, которые пожелала наложить на нее тираническая старость, застывшая в своих воззрениях¹.

Небезынтересно, что Фрейд выделил в обоих отступниках далеко не самое, с нынешней точки зрения, характерное для них. Если юнгианство в поле современной психологической практики и играет роль своего рода белого шума, то отнюдь не в силу подмеченной Фрейдом уязвленности, которая направляла желание Юнга. Методологические частоты, которые этим шумом оказываются заглушены, связаны с понятиями вполне конкретными. Как замечает Фрейд, теоретически проработанное представление об инстанции влечения в юнговской, а затем и в юнгианской мысли попросту отсутствует.

Этот факт подтверждает вышесказанное: никакого другого желания, кроме желания психоаналитика, в пост-фрейдовском клиническом поле не существует. Свое желание, конечно, есть и у Юнга, и у Адлера, и, например, у Фредерика Перлза или Ханскарла Лёйнера. Но их желание, какими бы особенностями оно ни обладало, не стало в этом поле законом. Для желания аналитика стать законом — означает превратиться в нечто такое, нехватка чего в конечном счете станет определяющей для желания всех остальных. Требовать на базе желания — означает не

¹ Фрейд З. Очерк истории психоанализа // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. СПб.: Алетейя, 1998. С. 62.

просто отстаивать высокие исследовательские стандарты и блюсти чистоту используемого аппарата. Однако именно в этом требовании желание Фрейда оказывается замаскировано тем, что сам он полагал своей собственной приверженностью идеалам науки. Обстоятельство это по сей день остается чрезвычайно темным и тревожит, как это ни парадоксально, гораздо сильнее представителей науки, нежели аналитиков: ученые неустанно нападают на психоанализ с требованием сформулировать для них, в чем именно состоит пресловутая «научность» анализа.

Самих психоаналитиков эти нападки обычно раздражают, что не вполне оправданно, поскольку придание психоанализу научной формы, как справедливо замечает Лакан, действительно не только входило в планы Фрейда, но и пробуждало в нем подлинную тревогу. То есть научность была необходима Фрейду не для того, чтобы придать своему продукту большую респектабельность, но в качестве своего рода средства защиты. Защищаться же, как впервые заметил сам Фрейд, можно только от собственного желания.

Аналитики, не учитывающие этого обстоятельства, порой ошибочно подозревают Фрейда в замороженности возвышенным зрелищем, которое в его время представлял собой работающий с невротиками врач, пользующийся подчас неограниченной властью, — замороженности, от которой Фрейду будто бы с трудом удалось избавиться. Однако не только биография Фрейда, но и общий тон его текстов опровергают идею, будто эта власть была предметом его мечтаний; скорее, она вызывала в нем сильное смущение. Современный аналитик, чурающийся любого, сколь угодно благого вмешательства в жизнь пациента на том основании, что он не имеет на это никакого права и даже рискует выглядеть нелепо, находит во Фрейде союзника там, где сам он сохранял максимально сдержанную позицию.

Впрочем, сдержанность была присуща Фрейдю далеко не во всем. Его явное нежелание вмешиваться в ходе анализа в судьбу пациента, проявлять назойливость советчика или попечительность няньки, какую бы пользу для переноса такая воздержанность ни несла, не может рассматриваться как нечто совершенно самостоятельное, как желание аналитика в чистом виде. Для понимания этого желания необходимо задаться вопросом о его источниках. Видеть в желании аналитика последнюю данность, не подлежащий никакому истолкованию акт беспримесного профессионального мужества — значит совершать операцию исключения другого желания, которое могло быть в этом замешано.

При разборе этой ситуации нельзя не принимать в расчет все то, что принадлежит желанию самого Фрейда, но с делом анализа напрямую не связано, хотя и имеет его своим предметом. Речь, во-первых, идет о стремлении Фрейда посредством развиваемого им психоаналитического учения совершить интервенцию в публичную среду, поставив ее перед фактами, зачастую для нее невыносимыми, и, во-вторых, саму эту невыносимость эксплицитовать, сделать предметом публичного заявления.

Желание Фрейда, как уже было сказано, настолько резко контрастирует с профессиональным желанием аналитика в его подчеркнутой независимости, что трудно не усмотреть между ними обратной зависимости. В этой зависимости пресловутая аналитическая сдержанность, отказ от активного вмешательства в психику, предстает формой компенсации, изнанкой желания любыми способами вызвать в публике максимальную тревогу, предъявив сообществу неотменимость перспективы, открытой в ходе исследования бессознательного. Вот чем является фрейдовское желание в аналитическом регистре. Подверстать его под миф о «желании аналитика», который со временем сложился в профессиональном сообществе, просто невозможно, — налицо два различных устремления.

Отмеченное различие ставит психоанализ и самих аналитиков в особое положение, действовать в котором им приходится исходя из начального расщепления, заложенного в анализ деятельностью Фрейда. Особый характер этой деятельности наиболее полно проявляется в тех случаях, где она маркирует переход между двумя адресованными аналитику требованиями, которые он волей-неволей воспринимает как совершенно различные.

Наличие этих двух требований обычно пытаются замаскировать рекламой «интегральной деятельности психоаналитика», как ее иногда называют. Суть ее состоит в тенденции к расширению полномочий аналитика: психоанализ, не сводимый к строго аналитической деятельности, становится «публичным делом». От аналитика ждут участия в интеллектуальной жизни, даже проявлений некоторой гражданской активности. Вопреки постоянным обвинениям в «безучастности и аполитичности», психоаналитики не упускают случая продемонстрировать, что дух гражданственности им не чужд. Даже когда они не принимают ни одну из сторон в политических вопросах, аура своеобразного «просвещения» из их деятельности неустранима: психоаналитики комментируют интеллектуальные события, вмешиваются в дискуссии об искусстве, разоблачают «желание власти» или то, что за него принимают.

Проблема при этом возникает вовсе не там, где подобные интервенции вступают в противоречие с собственно «аналитической позицией». Внутренний конфликт заключен в вопросе о том, чем это вовлечение обязано «желанию публичности», которое было продемонстрировано Фрейдом.

Трудность здесь состоит в отсутствии какой-либо связи, и это отсутствие невозможно скрыть указанием на то, что Фрейд также был не чужд культурной проблематике. Различие между фрейдовской публичной деятельностью и широкой вовлеченностью нынешних аналитиков в куль-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru